

Виктюк и Воланд

Новый спектакль официального маргинала

«Мастера и Маргариту» Роман Виктюк ставил четыре раза. Первый — в советские времена, в Вильнюсе (Виктюка любил первый секретарь литовской компартии Снечкус, он и пробил спектакль), затем в Таллине, потом в Нижнем Новгороде, а теперь и в Москве: добро пожаловать в Музыкальный театр Натальи Сац и в Театр Моссовета.

Виктюк, умноженный на «Мастера и Маргариту», равен сенсации — сборы и рецензии спектаклю обеспечены. Давние поклонники Виктюка едва ли придут на премьеру: его последние постановки имеют небольшое отношение к тому, что они любили. И все же спектакль может быть любопытен и им: история о Мастере и искушении напоминает собственную историю Романа Виктюка.

Алэксей ФИЛИППОВ

— 29 окт. — с. 10

Давным-давно, когда очереди у Мавзолея были большими, в Москве жил странный человек. Он носил старые свитера и был прописан в гостинице «Украина», он жил где придется и питался чем бог послал. Человек преподавал в цирковом училище, и студенты его обожали — Ефим Шифрин и Валентин Гнеушев ходили за ним по пятам.

Он был неприютен, странен и безмерно обаятелен, говорили, что он может научить актера тому, о чем другие режиссеры и не догадываются... От него веяло подпольем, альтернативой, другими мыслями. Его звали Роман Виктюк, и он был непохож на себя нынешнего.

Теперь он другой: пиджаки от «Версачки» (как он любит говорить), квартира с окнами на звездный Кремль. Спектакль в Москве, спектакль в Израиле, гастроли в Европе — собственный театр (мельниковское здание все никак не отремонтируют) и имя, раскрученное не хуже других отечественных брэндов. Все знают, что такое «стинол», всем известно, кто такой Виктюк, — каждый его спектакль автоматически становится событием.

А вначале был послевоенный Львов: польский форпост на украинской земле, крепость, оставившая Богдана Хмельницкого, австрийский город, подаривший миру Захер-Мазоха (пионер Виктюк о его существовании не подозревал — позже он будет ставить земляка, а потом окажется не последним человеком в носящем его имя обществе). Львов станет его богом — придет время, и Виктюк станет захлеб рассказывать журналистам об этом уникальном, украинско-польско-русско-австрийско-венгерском месте, на всю жизнь сделавшем его космополитом. Львов будет его визитной карточкой — Виктюк не хочет быть ни украинцем, ни русским. Он человек, пришедший извне, гражданин дивного, ни на что не похожего города, которого, возможно, никогда и не существовало.

Детство Романа Виктюка существует лишь в его пересказе — школьный театр, пионерлагерь, где в него влюбились сразу две девочки, шалости, за которые в двенадцать лет его окрестили буржуазным националистом. Сегодняшнего себя Виктюк придумал лучше, чем свои последние спектакли, и на этом броском фоне босоногое детство сморщится так трогательно и безыскусно, что поневоле кажется ненужным. Кто-то вдевал в петлицы гардины, другие любили, чтобы от их прошлого пахло землей и парным молоком, — Роман Виктюк вылепил собственный образ, и эта обдуманно небрежная деталь замечательно подчеркивает его необычность.

Но тогда, в далекие и глухие советские годы, он был настоящим. Вокруг Виктюка собирались те, кто в него верил, те, кто знал, что он может дать человеку

театра: компания рассаживалась на тесной кухоньке, пила, разговаривала об искусстве и о том, что Роман Григорьевич опять приветил какого-то сомнительного парнишку («вы ничего не понимаете, деточка, он талантлив!») — как бы тот не исчез, прихватив с собой деньги и вещи.

Москва говорила о спектаклях театра МГУ, позже — о постановках Виктюка в «Современнике». Потом у него появилась своя ниша: полуподпольный-полуразрешенный, не играющий по советским правилам и все же недобитый властью, он жил духом единым, и в этом был его шарм. А потом началась перестройка.

Кто не помнит феерический успех виктюковской «М. Баттерфляй»? Корзины цветов, море народа, гром аплодисментов, аншлаги, аншлаги, аншлаги... Жизнь перевернулась, «цветок зла» стал садовым растением обновленной России, а Роман Виктюк оказался одним из самых модных режиссеров, к нему пришли широкая популярность и деньги. Теперь он мог выговориться в профессии до конца — и это не пошло ему на пользу.

Ранние спектакли Виктюка рождались в столкновении с системой. У него были свои представления о смысле жизни и взаимоотношениях полов — для того, чтобы высказаться, приходилось прибегать к эзопову языку, и это придавало его постановкам внутреннюю энергию и тонкость. Ему не давали говорить, и он копил невысказанное: раньше в его спектаклях клокотало загнанное под спуд чувство, а теперь он расплескал его за несколько лет.

История Романа Виктюка на новый лад повторяет старую историю об искушении, но понять, кто кого искушает, непросто: то ли он соблазняет общество своими спектаклями, то ли его самого искушает время. Общество проглотило то, что ему предложил Виктюк, и даже не поморщилось. Оно оказалось на удивление всеядным и крепким — театр Виктюка, где женщина предстает существом нечистым и страшным, а смыслом существования становится мужская дружба, занял свое место и в обновленной России. Его публику составили немолодые, траченные жизнью дамы, мечтающие о красоте — крепкие бицепсы и стройные торсы молодых виктюковских актеров кажутся им совершенством.

Роман Виктюк испытание перенес хуже. Жизнь или его собственный маленький Воланд сыграла с ним злую шутку: полузапрещенный, нищий, вроде бы маргинальный, он был интересен решительно всем; став звездой в постсоветском значении этого слова, Роман Виктюк оказался маргинален по-настоящему. Он занял свой театральный уголок, у него свой, более чем специфический зритель. Для того, кто умеет так влюблять в себя актеров — от мэтров «Современника» до зеленых новичков, кто знал секреты театрального волшебства, это совсем немного.